

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.22>

UDC 94(47+57)«16»:929.5
LBC 63.3(2)44-7

Submitted: 29.08.2025
Accepted: 15.11.2025

“INDOMITABLE TO HIS KIN”: GAVRILA GRIGORIEVICH PUSHKIN AND HIS DESCENDANTS IN THE 17th CENTURY

Pavel V. Sedov

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with the history of the Pushkin family during the Time of Troubles, especially its outstanding representative, Gavrila Grigorievich, who was one of the first to go over to the side of False Dmitry I. By order of the impostor, he participated in the overthrow of the royal Godunov family and the murder of Tsar Feodor Godunov and his mother. *Methods and materials.* This article utilizes genealogical, anthropological, and memorial approaches. Biographical data on members of the Pushkin family in the 17th century is clarified, particularly regarding the family of Gavrila Grigorievich Pushkin: his children and grandchildren. A significant continuity in the commemoration of Gavrila Grigorievich, who was condemned by the cathedral during the Time of Troubles, is established. Records on early printed books uncovered by the author revealed that G.G. Pushkin's descendants, for three generations, deposited liturgical books in their patrimonial churches for the perpetual remembrance of their father and grandfather. *Analysis and results.* Even before False Dmitry entered Moscow, Patriarch Job anathematized his supporters, which was lifted from all subjects after the impostor's death. However, the memory of Gavrila Grigorievich's betrayal and his direct participation in the massacre of the royal family was alive, and contemporaries reminded Pushkin of this in local conflicts. After the Time of Troubles, Gavrila Grigorievich went blind and retired from the court to his patrimony and, together with his son Grigory, tried to whitewash his actions in the troubled years in a private discharge book. Before his death, concerned about the salvation of his soul, he made contributions to monasteries. His children and grandchildren continued the memorial practice. The author discovered this family tradition based on the records of Pushkin's direct descendants in early printed books, which they put into their patrimonial churches for decades. This fact can be compared with the tradition in the family of Alexander Sergeevich Pushkin: the Pushkin family kept a sacred relic – a piece of the Lord's Robe, passed on to the eldest son with the obligation of an annual service in its honor. According to the testimony of the poet's descendants, he and his father invariably followed this covenant.

Key words: Time of Troubles of the early 17th century, Pushkin family, A.S. Pushkin, False Dmitry I, memorial practice, genealogy.

Citation. Sedov P.V. “Indomitable to His Kin”: Gavrila Grigorievich Pushkin and His Descendants in the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 254-263. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.22>

УДК 94(47+57)«16»:929.5
ББК 63.3(2)44-7

Дата поступления статьи: 29.08.2025
Дата принятия статьи: 15.11.2025

«В РОДНЮ СВОЮ НЕУКРОТИМ»: ГАВРИЛА ГРИГОРЬЕВИЧ ПУШКИН И ЕГО ПОТОМКИ В XVII ВЕКЕ

Павел Владимирович Седов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена истории рода Пушкиных в Смутное время, в особенности ее выдающемуся представителю – Гавриле Григорьевичу, который одним из первых перешел на сторону Лжедмитрия I. По приказу самозванца он участвовал в свержении царской семьи Годуновых и умерщвлении царя Федора Годунова и его матери. **Методы и материалы.** В статье использованы генеалогический, антропологический и мемориальный подходы. Уточнены биографические данные о членах семьи Пушкиных XVII в., в частности о семье Гаврилы Григорьевича Пушкина – его детях и внуках. Установлена существенная преемственность в поминании Гаврилы Григорьевича, осужденного собором в Смутное время. Записи в обнаруженных автором старопечатных книгах свидетельствуют о том, что потомки Г.Г. Пушкина на протяжении трех поколений хранили богослужебные книги в своих родовых церквях в вечную память об отце и деде. **Анализ и результаты.** Еще до вступления Лжедмитрия в Москву патриарх Иов предал его сторонников анафеме, которая уже после гибели самозванца была снята со всех подданных. Однако память об измене Гаврилы Григорьевича и его непосредственном участии в расправе над царской семьей была жива, и современники напоминали об этом Пушкину в местнических конфликтах. После Смуты Гаврила Григорьевич ослеп и удалился от двора в свою вотчину и вместе с сыном Григорием пытался в частной разрядной книге обелить свои действия в смутные годы. Перед кончиной, заботясь о спасении своей души, он делал вклады в монастыри. Его дети и внуки продолжили поминальную практику. Автор обнаружил эту семейную традицию на основе записей прямых потомков Пушкина на старопечатных книгах, которые они на протяжении десятилетий вкладывали в свои вотчинные храмы. Этот факт уместно сопоставить с традицией в семье Александра Сергеевича Пушкина: в роду Пушкиных хранилась святыня – частица Ризы Господней, передаваемая старшему сыну с обязательством ежегодной службы в ее честь. По свидетельству потомков поэта, он вместе с отцом неизменно следовал этому завету.

Ключевые слова: Смута начала XVII в., Пушкины, А.С. Пушкин, Лжедмитрий I, поминальная практика, генеалогия.

Цитирование. Седов П. В. «В родню свою неукротим»: Гаврила Григорьевич Пушкин и его потомки в XVII веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 254–263. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.22>

Введение. Изучение истории рода Пушкиных в современном пушкиноведении не учитывает многочисленные работы историков по этой теме, в особенности это относится к допетровскому времени. После классической работы 1969 г. выдающегося историка и специалиста по генеалогии С.Б. Веселовского «Род и предки А.С. Пушкина» влияние исследований профессиональных историков на работы пушкинистов по истории рода Пушкиных допетровского времени малозаметно. Так, в фундаментальном обобщающем труде 2020 г. по истории рода [15, с. 582–589] не учтены достижения историков в изучении генеалогии Пушкиных за первую половину XVII в. [8; 12 (см. именной указатель); 17; 18].

Непродуктивное разделение гуманитарного знания на исторические и филологические штудии привел к появлению в последнее время работ по истории рода Пушкиных, к которым у профессиональных историков не может не возникнуть критического отношения. Например, в книге Андрея Андреевича и Ларисы Андреевны Черкашиных «Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона» (1998 г.)

и других их работах утверждается, что Пушкины ведут свой род от Рюрика, который был славянского происхождения, и даже еще дальше – от Гостомысла [20, с. 15–16]. Между тем многовековая дискуссия о достоверности поздних свидетельств относительно новгородского старейшины (посадника) Гостомысла и Вадима Храброго, якобы убитого Рюриком, привела исследователей к выводу о том, что это легендарные, а не исторические персонажи (обзор историографической традиции по этой проблеме см.: [16, с. 121–125]). Еще больше вопросов вызывает подход А.А. и Л.А. Черкашиных, согласно которому Пушкины происходят от Рюрика на том основании, что на протяжении веков представители рода женились на дочерях княжеских родов. В быту родством и свойством по женской линии всегда считались. Однако происхождение рода в русской традиции велось исключительно по мужской линии: в родословных росписях XVI–XVII вв. женщин вообще не записывали – ни жен, ни дочерей. В случае, если у главы семьи были только дочери и не было сыновей, то в родословной росписи указывали «бездетен». В до-

петровской Руси, как и во времена А.С. Пушкина, счет рода по женской линии вызвал бы недоумение. Если распространить столь странный подход на другие дворянские роды, то получится, что едва ли не все дворяне России происходят от Рюрика.

Методы и материалы. В статье использованы методы генеалогического, антропологического и каммеморального подходов. Уточнены биографические данные о представителях рода Пушкиных в XVII в., в особенности относительно семьи Гаврилы Григорьевича Пушкина: его детей и внуков. Установлена важная для этой семьи преемственность в поминании Гаврилы Григорьевича, преданного в годы Смуты соборному проклятию. Выявленные записи на старопечатных книгах позволили установить, что потомки Г.Г. Пушкина на протяжении трех поколений вкладывали богослужебные книги в свои вотчинные храмы для вечного поминания своего отца и деда.

Анализ. В исторической литературе давно обсуждается вопрос об опале рода Пушкиных при царе Борисе. Эта дискуссия идет вокруг того, какая историческая реальность стоит за пушкинскими словами, вложенными в уста Бориса Годунова: «Противен мне род Пушкиных мятежный».

Среди пушкинистов принято отталкиваться от пушкинского восприятия истории его рода: находясь в ссылке, поэт искал сближений своего опального состояния с царской немилостью его предков. В автобиографических набросках он сделал такую запись: «Пушкины при царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я». Так сложилась тенденциозная традиция, идущая от раздумий литератора над положением рода Пушкиных, подстраивать исторические факты под восприятие их Александром Сергеевичем.

Предлагаем иной порядок изложения и иную логику: сначала свидетельства исторических источников, а потом их оценка по этому и интерпретации исследователей.

Наим поставлена цель проследить на основе новых данных историю семьи одного из самых выдающихся представителей рода Пушкиных эпохи Смуты – Гаврилы Григорьевича. Его исключительная роль в свержении династии Годуновых в 1605 г. привлекла к нему

внимание современников и потомков, включая и Александра Сергеевича, который сделал его одним из героев драмы «Борис Годунов».

Обратим внимание не только на службы Гаврилы Григорьевича, но и на другую немаловажную сторону его жизни – оценку современниками того, что он совершил. Историки по-разному оценивают причины перехода Гаврилы Григорьевича на службу к самозванцу. Полемика идет вокруг того, была ли опала на весь род Пушкиных при Борисе Годунове, а значит, их выступление против Годуновых было своего рода ответом на действия правителя (так считал В.И. Корецкий) или же были опалы на двух представителей рода по частным причинам, а все остальные Пушкины оставались у царя в милости (этой точки зрения придерживались С.Б. Веселовский, Р.Г. Скрынников, А.П. Павлов).

Полагаем, что современное состояние вопроса позволяет сказать, что опала Бориса Годунова на двух Пушкиных не позволяет однозначно утверждать, что она коснулась всего рода. Гаврила Пушкин был послан воеводой в сибирский город Пелым без всякого упоминания о том, что это была опала. Его троюродный брат, думный дворянин Евстафий Пушкин, был послан вторым воеводой в главный город Сибири Тобольск, что для него было почетным назначением. Там Евстафий и умер в 1601 г.; Борис Годунов тотчас пожаловал думное дворянство его родному брату Ивану Большому. Такая благосклонность противоречит предположению о царской опале на всех Пушкиных.

По окончании сибирской службы Гаврилы Григорьевич был отозван в Москву и в 1605 г. послан воеводой в Белгород [4, с. 28]. Это назначение имело место, когда южные города переходили на сторону Лжедмитрия I. В таких условиях назначение свидетельствует в пользу доверия со стороны Бориса Годунова. В Белгороде гарнизон перешел на сторону самозванца и воеводу Гаврилы Григорьевича пленником привезли к Лжедмитрию I в Путивль. К тому времени все сторонники самозванца были преданы анафеме патриархом Иовом и церковным собором, их всех «соборне и всенародне проклинали и вперед проклиinati велели, да будут они вси прокляты в сем веце и в будущем» [1, с. 80–81].

Таким образом, когда самозванец поручил Гавриле Пушкину вести в Москву грамоты от имени «истинного царя Дмитрия Ивановича», его посланец был проклят патриархом Иовом. В советское время исследователи не придавали особенного значения церковному проклятию сторонникам самозванца. Между тем служба Лжедмитрию I была одной из самых ярких в биографии Гаврилы Григорьевича и в дальнейшем легла несмываемым пятном на карьеру всей семьи.

Грамоты Лжедмитрия были зачитаны в народ, и столица перешла на сторону самозванца. В описании этого события Н.М. Карамзин опирался на свидетельство «Нового летописца», составленного около 1630 года. А.С. Пушкину она была известна в карамзинском изложении. В XX столетии в научный оборот были введены новые источники, которые иначе оценивали этот поступок Гаврилы Пушкина. Важно отметить, что они были созданы раньше «Нового летописца».

В официальных разрядных записях, современных описываемому событию, эта служба изложена следующим образом: самозванец «к Москве послал для смуты Гаврила Григорьева сына Пушкина да Наума Михайлова сына Плещеева...»; к ним «пристал народ многий, и учили на Лобном месте грамоты честь... а иные воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили. И Гаврила Пушкина Рострига за то пожаловал, что назвался у него к Москве и государство Московское смутил, пожаловал сокольничество и в Думу» [4, с. 5, ср.: с. 28, 116, 173, 182, 194, 201].

Официальные разряды выделяют Г.Г. Пушкина как главное действующее лицо и отмечают, что он сам напросился («назвался») у самозванца на эту службу, за что и был пожалован думным дворянством и ближним чином сокольничего. Вероятно, Наум Плещеев тоже был как-то пожалован Лжедмитрием I, но составитель разрядной записи ничего об этом не сообщает. После Смуты Плещеевы пытались обелить своего родственника и утверждали, что Наум Плещеев отказался от этой службы и вся вина за свержение законной царской семьи Годуновых лежит исключительно на Гавриле Пушкине. Во время местнического спора с В.Н. Пушкиным в 1627 г. М.А. Плещеев

утверждал, что Наум Плещеев, «узнав вора Растригу, к Москве для ради прелести от Растриги не поехал. И в ту, государь, пору Гаврила Пушкин у Ростриги к Москве на воровство напросился, над царицею Марьею и над царевичем Федором промышлять и московских людей прельщать и на Ростригино имя к крестному целованью Москву приводить. И в ту, государь, пору Рострига велел Гаврилу Пушкину Наума Плещеева, связав, отвезть к Москве и на Лобном месте Наума Плещеева велел объявить, что ему, Ростриге, низовые города добились челом, и низовых воевод и Наума Плещеева, связав, к нему, Ростриге, прислали. И Гаврила, государь, Пушкин, приехав от Растриги к Москве, Московское государство прельстил и на Растригино имя к крестному целованью привел» [19, с. 64–65]. Трудно сказать, действительно ли Пушкин «напросился» на эту службу и вез с собой Плещеева связанного или же Плещеевы задним числом хотели обелить себя и всю вину в том деле валили на Гаврилу Григорьевича. Несомненно другое: этот эпизод и после Смуты ставили Пушкиным в упрек как утрату их родовой чести.

Эти же события сходно изложены в «Пискаревском летописце», составленном в конце Смуты, около 1615 года. В этом источнике главная роль в низвержении Годуновых отведена не Гавриле Пушкину и Науму Плещееву, а разным чинам столичных жителей («москвичам»), которые и низвергли и арестовали царевича Федора и его мать.

В «Новом летописце» эта история описана с важным оценочным добавлением. В этом обширном летописном тексте была изложена концепция событий Смуты, которая воспринималась современниками как одобренная властью, включая и оценку деятельности ее участников. Самозванец «начат думати, как бы ему послати к Москве. Ту же бысть дьяволом научены Наум Плещеев да Гаврило Пушкин. Те же у него вора на то назвахуся. Он же их пожаловал и отпусти их к Москве» [10, с. 64]. В «Новом летописце» Наум Плещеев и Гаврил Пушкин действуют по научению дьявола. В XVII в. такие упреки не были пустым звуком. Это было напоминание о том, что сторонники самозванца были преданы церковному проклятию. Впрочем, в феврале 1607 г. эта анафема была снята для всех, поскольку после вступ-

ления Лжедмитрия в Москву ему присягнула вся страна. Описание ревностной службы самозванцу Гаврилы Пушкина выделяла его среди других изменивших присяге, бросало тень на его детей.

Другой факт, который после Смуты Гавриле Пушкину не хотелось бы вспоминать, был связан с насильственным пострижением 19 июля 1610 г. царя Василия Шуйского, который решительно отказался принять иноческий чин. Гаврила Пушкин и князь Федор Волконский насильно держали низвергнутого государя, пока князь Василий Тюфякин произносил положенные при пострижении слова. За этот дерзновенный поступок патриарх Гермоген отлучил князя Тюфякина от церкви. В тот раз Гаврила Пушкин не удостоился анафемы, но после Смуты подобные деяния не могли служить к чести рода, и что не менее важно могли наводить участника столь громкого события на мысли о спасении души.

После окончания Смуты и воцарения новой династии пришло время дать оценку тем, кто нарушал крестоцелование и служил самозванцам. Около 1626 г. Гаврила Пушкин и его сын Григорий удаляются от двора в свою вотчину. Исследователи по-разному оценивают этот факт. Одни считают это опалой, а другие видят причину в том, что Гаврила ослеп и его вместе с сыном отпустили из столицы. С 1626 г. в боярских списках напротив имени Гаврилы Григорьевича делали помету «ослеп», и за ним закрепилось прозвище Слепой. Одно время сын Григорий по прозвищу Косой сопровождал своего ослепшего отца.

В своей вотчине Гаврила с сыном Григорием редактируют частную разрядную книгу, в которой происходит ослабление роли Гаврилы Пушкина в событиях Смуты. Этот вопрос был детально проанализирован В.И. Корецким. Он привел убедительные аргументы в пользу признания авторства частной разрядной книги за Григорием Гавриловичем Пушкиным. В этой разрядной книге была сделана запись о посылке при Борисе Годунове в 1601 г. князя Василия Мосальского и Савлука Пушкина «в Тонбусы» с добавлением выгодного для Пушкиных поворота в местническом противостоянии между ними. Против этой записи позднее кто-то сделал помету «Косой солгал». Таким образом, автор пометы считал

Григория Гавриловича Косого автором этой разрядной книги. В.И. Корецкий обратил внимание на то, что в пушкинской разрядной книге всячески обелялись действия Гаврилы Пушкина, а поведение всего рода Пушкиных было выставлено в выгодном для них свете в контексте придворной конъюнктуры после воцарения Михаила Федоровича. Сведения о ссылке двух Пушкиных в Сибирь при Борисе Годунове были обобщены до утверждения об опале всего рода, действия Гаврилы Пушкина и Наума Плещеева, склонивших Москву на сторону Лжедмитрия I, описаны нейтрально, а упор сделан на то, что все чины столицы сами целовали крест самозванцу. В деталях изложено положительное влияние Гаврилы Пушкина во время Клушинской битвы 1610 г., а совершенно неприглядное его поведения во время насильственного пострижения царя Василия Шуйского в том же году и вовсе замалчивается. Последние записи разрядной книги относятся к 1631 г., когда, по-видимому, была закончена работа по ее составлению [8, с. 237–265].

Что могло заставить Григория Пушкина сделать пристрастные записи о своем отце в годы Смуты? В 1627 г. случился местнический конфликт между Василием Никитичем Пушкиным и Андреем Осиповичем Плещеевым. В качестве одного из доказательств старшинства Пушкиных над Плещеевыми Василий Никитич привел случай посылки Лжедмитрием I Гаврилы Пушкина и Наума Плещеева в Москву. Однако в 1627 г. Андрей Плещеев отвел этот аргумент, назвав службу самозванцу «воровской» и заявил, что Наума Плещеева привели к Росстриге насильно («связав»), он же отказался ехать с Гаврилой Пушкиным в Москву и потому последний повез Плещеева в столицу опять же насильно и вновь связанного, что уже совсем неправдоподобно. Всю вину за признание самозванца в Москве Андрей Плещеев переложил на одного Гаврилу Пушкина [8, с. 262–264].

В деревне Гаврила Пушкин и его сын Григорий занялись составлением семейной разрядной книги с целью противопоставить клевете враждебного рода Плещеевых свою версию событий. Пушкиными двигала не столько любовь к исторической истине, сколько необходимость защитить служебные заслуги рода. Анафема патриарха Иова 1605 г.

и осуждение патриархом Гермогеном участников самовольного пострижения низвергнутого царя Василия Шуйского в 1610 г. стали еще одним мотивом для обеления действий Гаврилы Пушкина. На склоне дней анафема патриарха Иова, хотя формально и снятая после гибели Лжедмитрия, и публичное осуждение патриарха Гермогена должны были особенно волновать ослепшего Гаврилу Пушкина, который мог толковать свой недуг как божий гнев за былые дела. Важно подчеркнуть, что перед смертью Гаврила Пушкин принял схиму под именем Герасима. Так поступали далеко не все дворяне, еще реже они решались на более строгую форму покаяния. Такое поведение новоявленного схимомонаха Герасима свидетельствует о его глубоком раскаянии. За два года до кончины, 31 августа 1636 г., он вложил в Троице-Сергиев монастырь «покров бархат черной, крест на нем шит серебром» [7, с. 106].

А.С. Пушкин не мог не заметить роль своих предков в низвержении двух царей эпохи Смуты – Федора Годунова и Василия Шуйского. В черновике стихотворения «Моя родословная» он использовал неожиданное выражение: «Возились Пушкины с царями; / Из них был славен не один, / Когда тягался с поляками / Нижегородский мещанин». В академическом издании сочинений писателя М.А. Цявловский посчитал слово «возились» опиской, хотя в черновике слово читается совершенно ясно. В окончательном варианте автор заменил это слово, подходящее к событиям Смуты, на более обобщенное, приложимое к возвышению рода при первых Романовых, – «водились» [17, с. 11–14]. То, что для поэта было предметом гордости, для его предка Гаврилы Григорьевича стало настоящим испытанием.

До сих пор исследователи не обратили внимание на поминальную практику в семье Пушкиных. Начало ей было положено самим Гаврилой Григорьевичем, который следовал в этом отношении заведенной традиции. Еще при первом самозванце, 4 ноября 1605 г., у него умерла жена Мария, которую он похоронил в Троице-Сергиевом монастыре, сделав по ней вклад 50 рублей [7, с. 287]. Всякое несчастье воспринималось в христианском мире как божья кара за грехи, о которых Гавриле Григорьевичу еще не раз придется вспоминать.

Новые данные о поминальной практике в семье Гаврилы Пушкина сохранились в виде вкладных записей на старопечатных книгах. Эти сведения уже введены в научный оборот специалистами по истории книжности XVII в., но никогда не использовались применительно к истории рода Пушкиных. В церковь своей касимовской вотчины Гаврила Григорьевич сделал вклад – Служебник московской печати 1633 г. издания. На нем сделана следующая вкладная запись с требованием «за Гаврилу Григорьевича и за его дети, и за весь дом его Богу молить и родители их помянуть». На той же книге сделана еще одна запись по приказу его сына: «Служебник акольничева Степана Гавриловича в дом Пречистыя Богородицы Знаменью да к Николе чудотворцу в Касимов» [13, с. 87]. Таким образом, поминание Гаврилы Пушкина и служба о его спасении, завещанная слепым Гаврилой, исполнялись и при его детях.

После смерти Гаврилы Григорьевича Григорий и Степан Гавриловичи сделали вклад по душе отца в кремлевский Чудов монастырь, в котором все в роду Пушкин были вкладчиками. В синодике монастыря находим следующую запись: «Род Григорья да Стефана Гавриловичих Пушкина. Инока схимника Герасима, Марию, Анну, убиенна Афонасия, Феодора, Пелагию» [2, с. 43]. Здесь поминаются их отец Гаврила Григорьевич, принявший перед смертью схиму под именем Герасима. Далее в синодике следует имя матери Марии, умершей в 1605 г., и мачехи Анны Васильевны, урожденной Колтовской, умершей в 1645 году. Убиенный Афанасий – это, по-видимому, двоюродный внук Гаврилы Григорьевича, сражавшийся против Лжедмитрия I и убитый в 1605 г. под Кромами [5, с. 208]. Во всяком случае, других «убиенных» Афанасиев в роде Пушкиных в то время не известно. Поминание Афанасия Ивановича можно объяснить тем, что вместе с ним схимомонаху Герасиму было бы легче получить посмертное прощение за службу самозванцу. Верный присяге Годуновым Афанасий должен был помочь Гавриле и на том свете. Федора в поминальном списке можно отождествить с Федором Семеновичем Пушкиным – двоюродным племянником Гаврилы Григорьевича. Смерть Ф.С. Пушкина в 1629 г. могла стать

причиной его поминания среди узкого круга родственников.

Дети Гаврилы Григорьевича год за годом поминали умершего отца. В 1648 г. Григорий Гаврилович с женой Ульяной Осиповной сделал вклад по своим родителям в Троице-Сергиев монастырь. Условием вклада была мена монастырского сельца Мамонова 335 четвертей на приданную вотчину Ульяны Осиповны, сельцо Степково с пустошами 290 четвертей, с тем, что после смерти Григория и его жены сельцо Мамоново тоже навечно отошло бы обители за помин вкладчиков и их родителей [22, с. 295–296, 310, 452].

22 октября 1650 г. за успешную посольскую службу царь Алексей Михайлович пожаловал Григорию Гавриловичу, тогда уже боярину и оружейнику, подмосковную вотчину село Троицкое-Голенищево. Это было патриаршее село, и за два года до пожалования его Г.Г. Пушкину в нем была построена Троицкая церковь – замечательный памятник шатровой архитектуры, сохранившийся до наших дней. Новый хозяин сделал в свой храм вклад – Требник нового издания 1651 года. На нем вотчинник велел сделать запись: «Лета 7160-го году (1652) генваря в 30 день сию книгу Потребник дал боярин и оружейничий Григорей Гаврилович Пушкин в свою вотчину в село Голенищево в церковь Рождества Богородицы» [6, с. 387]. Вероятно, эта же книга упомянута в описи храма 1701 г. [21, с. 314].

Другой сын Гаврилы Григорьевича – Степан – сделал аналогичный вклад в принадлежавшей ему муромской вотчине. На Триоде цветной издания 1640 г. была сделана следующая вкладная запись 1 марта 1652 г.: «...а х-то по ней станет говорить, и за наше бы здорovia Бога молит и родители наши поминал...» [14, с. 86].

Следующее поколение в семье Гаврилы Григорьевича – его внуки, бояре Матвей и Яков Степановичи – продолжили поминальную практику. После смерти своего отца Степана Григорьевича и дяди, бездетного Григория Гавриловича Косого, они дополнили запись в синодике Чудова монастыря новыми именами своей родни. Поскольку перечень имен завершается именами Григория и Стефана, следует полагать, что запись была

сделана после смерти Григория Косого и Степана Гавриловичей – оба умерли в 1656 г. [9, с. 173–174].

Относительно Степана Гавриловича можно указать точную дату. В отписке мая 1656 г. глава надворной комиссии в Москве боярин князь Г.С. Куракин доносил царю, что назначенный с ним ведать столицу окольничий Степан Гаврилович Пушкин «лежал недели две» и умер 24 мая [11, л. 23]. Предположительно, оба сына Гаврилы Григорьевича умерли от чумы, занесенной в Россию с театра военных действий русско-польской войны.

В роду Александра Сергеевича хранилась святыня – частица Ризы Господней, передаваемая старшему сыну в семье с обязательством ежегодной службы в ее честь. По свидетельству потомков литератора, он с отцом неизменно следовал этому завету [3, с. 56]. Можно сделать предположение, что перед кончиной одну из частей Ризы Господней могли принести в дом ближайшего к царю боярина для причащения и последнего прощания. Практика того времени была такова, что больные и умирающие высокого социального статуса имели возможность оставить у себя частицу Ризы Господней как домашнюю святыню. В 1681 г. патриарх Иоаким запретил носить Ризу Господню по дворам знати, чтобы предотвратить подобное умаление святыни и ее неканоническое присвоение. Установившаяся в роду Пушкиных традиция почитания обретенной в семье частицы Ризы Господней стала еще одним вкладом в заботе об устройении души сородичей.

Результаты. Таким образом, поминальная практика Гаврилы Григорьевича Пушкина, его детей и внуков существенно отличалась от интерпретации поэта, основанной на его интересе к истории своего рода. В XVII в. поминовение усопших предков было частью церковного обихода, заботой о спасении их души. Средневековый человек стремился угадать в историческом событии божий промысел и с ним соотносил свою посмертную судьбу. Для А.С. Пушкина, сына века Просвещения, история совершалась выдающимися людьми, среди которых он с гордостью отыскивал предков, ощущая сопричастность славным страницам Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 2. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. 392 с.
2. Алексеев А. И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4 (55/56). С. 5–239.
3. Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская: к семейной хронике жены А.С. Пушкина. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. М.: Моск. тип. № 13, 1994. 123 с.
4. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Имп. О-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1907. 311 с.
5. Веселовский С. Б. Род и предки Пушкина. М.: Наука, 1990. 336 с.
6. Гордеев С. П. Новые поступления рукописей и старопечатных книг в Государственный объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 32: Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII вв. Л.: Наука, 1977. С. 383–387.
7. Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. М.: Индрик, 2008. 519 с.
8. Корецкий В. И. Пушкины в смутное время и летописец из их рода // В. И. Корецкий. История русско-го летописания второй половины XVI – начала XVII в. М.: Наука, 1986. С. 231–265.
9. Маршалл По. Российская элита в XVII веке: в 2 т. Хельсинки: Vammalan Kirjapaino Oy, 2004.
10. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. М.: Наука, 1965. С. 23–154.
11. Отписка боярина кн. Г.С. Куракина с товарищами царю Алексею Михайловичу 1656 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 307. 323 л.
12. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
13. Поздеева И. В. Русские рукописи и старопечатные книги в личных собраниях Москвы и Подмосковья. М.: Книга. Город, 1983. 160 с.
14. Полетаев А. В., Полетаева Е. А. Записи на старопечатных книгах кирилловской традиции XVI–XVII вв. Из собрания Лаборатории археографических исследований ИГНИ УрФУ // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 1 (17). С. 38–112.
15. Пушкины: генеалогическая энциклопедия / отв. ред. О. Н. Наумов. М.: РОССПЕН, 2020. 592 с.
16. Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Акад. проект, 2003. 735 с.
17. Седов П. В. «Водились Пушкины с царями»: род Пушкиных и придворное общество второй половины XVII века // Пушкин и придворная среда его времени. Беляевские чтения: сб. науч. ст. Вып. 5. СПб.: Всерос. музей А.С. Пушкина, 2015. С. 11–30.
18. Селин А. А. Новгородцы Пушкины в годы Смуты // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. Вып. 16 (26). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. С. 223–238.
19. Счетное дело Василия Никитина Пушкина с Ондреем Осиповичем Плещеевым // Временник Московского общества любителей древностей российских. Кн. 14. М.: Унив. тип., 1852. С. 19–192.
20. Черкашин А. А., Черкашина Л. А. Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона. М.: Либерия, 1998. 198 с.
21. Холмогоров В. И. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 3. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1886. 388 с.
22. Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 4. М.: Унив. тип., 1917. 688 с.

REFERENCES

1. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arhivakh Rossijskoj imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiyeyu*. T. 2 [Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya Sobstv. Ye. I. V. kantselyarii, 1836. 392 p.
2. Alekseev A.I. Sinodik Chudova monastyrya v Moskovskom Kremlе [Synodicon of the Chudov Monastery in the Moscow Kremlin]. *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History], 2019, no. 3/4 (55/56), pp. 5-239.
3. Arapova A.P. *Natalya Nikolayevna Pushkina-Lanskaya: k semejnoy khronike zheny A. S. Pushkina. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pushkina* [Natalya Pushkina-Lanskaya: On the Family Chronicle of A. S. Pushkin's Wife. On the 200th Anniversary of A. S. Pushkin's Birth]. Moscow, Mosk. tip. № 13, 1994. 123 p.

4. Belokurov S.A. *Razryadnye zapisi za smutnoye vremya (7113–7121 gg.)* [Discharge Records for the Time of Troubles (7113–7121)]. Moscow, Imp. O-vo ist. i drevnostej ros. pri Mosk. un-te, 1907. 311 p.
5. Veselovskij S.B. *Rod i predki Pushkina* [The Family and Ancestors of Pushkin]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 336 p.
6. Gordeev S.P. Novye postupleniya rukopisej i staropechatnykh knig v Gosudarstvenny obyedinenny Vladimiro-Suzdalskij istoriko-arkhitekturny i khudozhestvenny muzej zapovednik [New Acquisitions of Manuscripts and Early Printed Books in the State United Vladimir-Suzdal Historical, Architectural and Art Museum-Reserve]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury. T. 32: Tekstologija i poetika russkoj literatury XI–XVII vv.* [Works of the Department of Old Russian Literature. Vol. 32: Textual Criticism and Poetics of Russian Literature of the 16th–17th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 383–387.
7. Kirichenko L.A., Nikolayeva S.V. *Kormovaya kniga Troice-Sergieva monastyrya 1674 g.* [The Feed Book of the Trinity-Sergius Monastery of 1674]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 519 p.
8. Koreckij V.I. Pushkiny v smutnoe vremya i letopisec iz ih roda [The Pushkins in the Time of Troubles and the Chronicler from Their Family]. Koreckij V.I. *Istoriya russkogo letopisaniya vtoroj poloviny XVI–nachala XVII v.* [History of Russian Chronicling of the Second Half of the 16th–Early 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 231–265.
9. Marshall Po. *Rossiyskaya elita v XVII veke: v 2 t.* [The Russian Elite in the 17th Century. In 2 Vols.]. Helsinki, Vammalan Kirjapaino Oy, 2004.
10. Novy letopisec [New Chronicler]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisej. T. 14* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 14]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 23–154.
11. Otpiska boyarina kn. G. S. Kurakina s tovarishchami caryu Alekseju Mihajlovichu 1656 g. [Letter from the boyar Prince G. S. Kurakin and his comrades to Tsar Alexei Mikhailovich, 1656]. *Rossiyskij gosudarstvenny arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, Stolbey Moskovskogo stola [Columns of the Order Table], no. 307. 323 l.
12. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye lyudi carya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoye issledovaniye: v 2 t.* [Duma and Chamber People of Tsar Mikhail Romanov: A Prosopographical Study. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2018.
13. Pozdeyeva I.V. *Russkiye rukopisi i staropechatnye knigi v lichnykh sobraniyakh Moskvy i Podmoskovya* [Russian Manuscripts and Early Printed Books in Private Collections of Moscow and the Moscow Region]. Moscow, Kniga. Gorod Publ., 1983. 160 p.
14. Poletayev A.V., Poletayeva Ye.A. Zapisi na staropechatnykh knigakh kirillovskoj tradicii XVI–XVII vv. Iz sobraniya Laboratorii arkhograficheskikh issledovanij IGNI UrFU [Records on Early Printed Books of the Cyrillic Tradition of the 16th–17th Centuries. From the Collection of the Laboratory of Archaeographic Research of the Ural Federal University Institute of Historical and Cultural Studies]. *Vestnik Yekaterinburgskoj dukhovnoj seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary], 2017, iss. 1 (17), pp. 38–112.
15. Naumov O.N., ed. *Pushkiny: genealogicheskaya enciklopediya* [The Pushkins: A Genealogical Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN, 2020. 592 p.
16. Sverdlov M.B. *Domongolskaya Rus: knyaz i knyazheskaya vlast na Rusi VI – pervoj treti XIII v.* [Pre-Mongol Rus: The Prince and Princely Power in Rus from the 6th to the First Third of the 13th Century]. Saint Petersburg, Akad. proekt Publ., 2003. 735 p.
17. Sedov P.V. «Vodilis Pushkiny s caryami»: rod Pushkinyh i pridvornoye obshchestvo vtoroj poloviny XVII veka [“The Pushkins Mixed with the Tsars”: The Pushkin Family and the Court Society of the Second Half of the 17th Century]. *Pushkin i pridvornaya sreda yego vremeni: Belyayevskie chteniya: sb. nauch. st. Vyp. 5* [Pushkin and the Court Environment of His Time: Belyaev Readings. Collection of Scientific Articles. Iss. 5]. Saint Petersburg, Vseros. muzej A.S. Pushkina, 2015, pp. 11–30.
18. Selin A.A. Novgorodcy Pushkiny v gody Smuty [The Novgorod Pushkins During the Time of Troubles]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik: sb. nauch. tr. Vyp. 16 (26)* [Novgorod Historical Collection. Iss. 16 (26)]. Velikij Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2016, pp. 223–238.
19. Schetnoye delo Vasilya Nikitina Pushkina s Ondreyem Osipovichem Pleshcheevym [The Accounting Case of Vasily Nikitin Pushkin with Ondrey Osipovich Pleshcheyev]. *Vremennik Moskovskogo obshchestva lyubitelej drevnostej rossijskikh. Kn. 14* [Vremennik of the Moscow Society of Lovers of Russian Antiquities. Book 14]. Moscow, Univ. tip., 1852, book 14, pp. 19–192.
20. Cherkashin A.A., Cherkashina L.A. *Tysyacheletneye drevo A. S. Pushkina: korni i krona* [The Millennial Tree of A. S. Pushkin: Roots and Crown]. Moscow, Libereya Publ., 1998. 198 p.
21. Kholmogorov V.I. *Istoricheskiye materialy dlya sostavleniya cerkovnykh letopisej Moskovskoj eparkhii. Vyp. 3* [Historical Materials for Compiling Church Chronicles of the Moscow Diocese. Iss. 3]. Moscow, Tip. L.F. Snegireva, 1886. 388 p.
22. Shumakov S.A. *Obzor «Gramot kollegii ekonomii». Vyp. 4* [Review of the “Charter of the College of Economy”. Iss. 4]. Moscow, Univ. tip., 1917. 688 p.

Information About the Author

Pavel V. Sedov, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-0108>

Информация об авторе

Павел Владимирович Седов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sedovpv@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1622-0108>